

Философская мысль:
рецепция и интерпретация

**С.Л. ФРАНК В ПОИСКАХ ДУХОВНОГО СМЫСЛА
ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ**

А.Д. КУМАНЬКОВ

Аннотация

Статья посвящена реконструкции образа Первой мировой войны, запечатленного русским религиозным философом С.Л. Франком. Для выявления целостной идеи Великой войны в представлении Франка автор предлагает обратиться не только к его публицистике военного периода, но и к социально-политическим работам 20–40-х гг. прошлого столетия. Подобный подход позволяет во всей полноте воссоздать образ Первой мировой войны в философии Франка. Помимо этого особое внимание в статье уделяется полемике Франка с неославянофилами (В.Ф. Эрн, С.Н. Булгаков) и связанной с ней дискуссии о форме обоснования войны. Война в силу своей насильственной природы не может не переживаться христианином как нравственно противоречивое явление. Решение проблемы оправдания войны Франк находил в моральной сфере, полагая, что столь крупный вооруженный конфликт, каким была Великая война, может быть оправдан только как сражение за высокие религиозно-нравственные идеалы. Только в таком случае возможным становится преодоление нравственной противоречивости войны. Подобная интерпретация войны основывается не только на особой этической перспективе, но и на характерной для Франка метафизике всеединства, применяющейся для описания политической сферы. Общество, проходя через испытания войны, должно сплотиться и солидаризироваться, равно как и народы после войны должны найти в себе силы преодолеть разобщение, нравственно переродиться. Именно неспособностью сохранить приверженность правде и справедливости, неготовностью служить общему делу во имя всего человечества объяснял Франк поражение России.

Ключевые слова: С.Л. Франк, война, Первая мировая война, всеединство, мораль, насилие.

Куманьков Арсений Дмитриевич – кандидат философских наук, преподаватель Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

akumankov@hse.ru

<https://www.hse.ru/org/persons/198056>

Цитирование: КУМАНЬКОВ А.Д. (2017) С.Л. Франк в поисках духовного смысла Великой войны // Философские науки. 2017. № 3. С. 38–52.

Начавшаяся в середине лета 1914 г. война стала переломным моментом в развитии интеллектуальной истории Европы, призвав под

знамена противоборствующих государств не только армейские подразделения, но и людей весьма далеких от военного дела: ученых и представителей искусства. В этом отношении не стали исключением и русские интеллектуалы. Внутренние противоречия и социальная борьба на время ушли на второй план, уступив место всеобщей духовной мобилизации и патриотическому подъему. Пока не наступило осознание того, что Великая война потребует не только пламенных речей и манифестаций, но и личного участия и страдания каждого, торжественно утверждала себя уваровская триада «православие, самодержавие, народность». По меткому замечанию П.Б. Струве, в тот момент каждый «не на словах, а на деле познал Россию и возлюбил ее» [Струве 1914, 65–66].

В Российской империи война почти сразу была названа «Второй Отечественной» — тем самым возвращались к памяти события Отечественной войны 1812 г. Борьба против наполеоновской Франции, победа над которой стала триумфом русской армии, позволила России заявить о себе как о спасительнице Европы и утвердиться в качестве одной из ведущих мировых держав. Идея особой миссии, которая спустя столетие после спасения Европы от Бонапарта была вновь возложена на Россию, стала активно развиваться русскими религиозными философами в самом начале Первой мировой войны. Н.А. Бердяев весьма точно описал этот процесс и само состояние духа людей той эпохи: «Национализм в своем положительном утверждении, в моменты исключительного духовного подъема, переливается в мессианиззм» [Бердяев 1918, 102]. Переживанием мессианства России проникнута значительная часть публицистических работ того времени.

Особую значимость войны глубоко прочувствовали интеллектуалы по обе стороны фронта, что выразилось в знаменитой битве манифестов между учеными. Типичной стала интерпретация войны как поворотного события начавшегося XX в. Так, Н.А. Бердяев видел в ней символ вступления Европы в новое историческое измерение. В войне начали усматривать ключ к преобразованию мира. По словам другого интеллектуала и непосредственного участника Первой мировой — Эрнста Юнгера — жизнь в эпоху машин и масс запускает «тотальную мобилизацию». Человека ставят под ружье не только экономические интересы, как предполагали марксисты, но и сакральная идея вовлеченности во всеобщее национальное дело. В то время как на фронте свою важную и опасную работу делают солдаты, в тылу каждый патриот также принимает участие в борьбе. И вот уже русский философ В.Ф. Эрн видит глубочайшую философичность орудий Круппа, а драматург Герхарт Гауптман заявляет о том, что не пожалеет ни одного шедевра Рубенса за жизнь немецкого солдата. Первая мировая стала поистине «Великой» войной, потребовавшей

от ее участников предельного напряжения и применения всех сил и средств борьбы.

Русская мысль живо отозвалась на начавшуюся бурю; см. подробнее: [Куманьков 2014, 81–86]. Однако в ситуации всеобщего национального подъема, порой весьма агрессивного, лишь немногие смогли указать на опасность увлечения всевозможными формами публичного проявления патриотического возбуждения в ущерб внутренней духовной работе, необходимой для достижения победы. Среди таких мыслителей, находивших смысл войны в моральной сфере и в нравственном усилии, направленном не только на самоочищение, но и на служение общечеловеческим ценностям, был русский религиозный философ Семен Людвигович Франк.

Философия войны Франка, возможно, известна не очень хорошо, она явно не была центральной темой самого Семена Людвиговича, и потому в исследованиях его наследия ей не уделяют должного внимания. Кроме того, когда речь заходит об осмыслении русскими философами войны и, в частности, Первой мировой, на первый план выступает резонансная речь В.Ф. Эрна «От Канта к Круппу», которая впоследствии была переработана в статью, сохранившую свою антикантианскую и в целом антигерманскую направленность. Другие мыслители остаются в некоторой степени в тени яркого и образного памфлета Эрна. Но речь Эрна породила горячие споры как в Московском религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьева, на заседании которого она и была произнесена, так и за его пределами. Франк был одним из тех, кто выступил против славянофильской теории войны Эрна и его сторонников в статьях «О поисках смысла войны», «О духовной сущности Германии», «Мобилизация мысли в Германии», «Сила и право».

Но чтобы получить представление о целостном образе Великой войны, каким запечатлел его Франк, необходимо обратиться не только к указанным четырем работам, но и к сочинениям Франка послевоенных лет. Попытка ограничиться статьями военного периода была бы несправедлива и недостаточно точна, она давала бы односторонний взгляд на представления Франка о развернувшейся в десятых годах прошлого столетия социально-политической драме. Так, наиболее известная работа Франка этого периода, в которой исследуется духовная сущность конфликта, статья «О поисках смысла войны» появилась в конце первого года войны (опубликована в двенадцатой книге журнала «Русская мысль» за 1914 год), когда кампания складывалась для России в целом удачно, а единственным серьезным поражением было уничтожение 2-й армии генерала Самсонова. К тому времени производственные проблемы еще не начали сказываться, кадровая армия была по большей части цела, а население не было утомлено тяготами войны. В это время Франк в целом положительно оценивает шансы России и ее союзниц

на достижение победы, указывая, однако, на предельную степень духовного напряжения, которой потребует эта победа.

Запечатленная в таком виде историософия Великой войны С.Л. Франка оказывается ограниченной и неполной. Для реконструкции целостного образа Первой мировой в философии Франка необходимо обратиться к более поздним его работам: «Духовные основы общества» (1929), «Свет во тьме» (1949), «Смысл жизни» (1925), «Крушение кумиров» (1924), «Религиозные основы общественности» (1925), «De Profundis (из глубины)» (1918). В этих сочинениях, появившихся в конце войны или уже после нее, Франк высказывает сомнения в возможности для России должным образом исполнить свою миссию и анализирует причины ее фактического поражения. И было бы ошибкой упускать из виду эту эволюцию взглядов Франка не на саму войну как таковую, но на будущее России и Европы. Философию войны Франка, таким образом, было бы более правильным рассматривать в общем контексте его политической философии, сквозь призму его социальной философии и онтологии.

Мы указали на то, что Франк выступил против неославянофильской концепции войны В.Ф. Эрна, С.Н. Булгакова, С.Н. Дурылина и ряда других авторов, работы которых выпускались в 1915 г. в серии «Война и культура». Радикальные славянофилы усматривали в войне столкновение двух миросистем, борьбу культур, противоборство святой Руси и «цивилизованного варварства» Европы. По их мнению, Россия должна была сыграть ключевую роль в мировом конфликте, встав на особый путь духовного перерождения и обновления. Политика Франка со славянофилами во время Великой войны представляла собой продолжение его спора с Эрном, который начался в 1910 г. после публикации статьи Эрна «Нечто о Логосе, русской философии и научности» [Эрн 1910]. Эрн выступил против проекта формирования рационалистической, научной, романтической традиции философии в России, против призыва строить русскую философию по западным образцам, против трансцендентализма. Отказываясь от приписываемого ему противопоставления России и Запада, Эрн прибегает к дихотомии *ratio* и *λόγος*, рассудка и логизма, и полагает при этом, что доминирующей в западной мысли рассудочной философии не дано понять глубину, открывающуюся в логосе как «живой и конкретной действительности», объединяющей «постигающего и постигаемое» [Эрн 1991, 11]. Именно русская философия во всем мире «одна хранит живое, зацветающее наследие антично-христианского умозрения» [Там же, 112]. Мировая война становится для Эрна наглядным подтверждением мысли о порочности и обреченности западной цивилизации, лишенной истинных духовных ориентиров.

Подобное представление об исключительности и обособленности русского народа Франк отвергает, равно как и рассуждения Н.А. Бер-

дяева и Е.Н. Трубецкого об особой миссии, возложенной на Россию, которой в одиночку суждено спасти западный мир от присущих ему пороков и тем самым прийти к гармонии и единению со всей семьей европейских народов. Бердяев и кн. Трубецкой также публиковались в серии «Война и культура», развивая тему будущего торжества русского оружия и последующего единения России с прочими свободными народами мира. Франк вступил в полемику с этими крупнейшими авторами русской религиозной философии, помимо которых среди его интеллектуальных противников можно выделить еще и представителей как правых, так и левых радикалов, и германофилов, и настроенных против всякой войны толстовцев; см.: [Сутягина 2013; Скорцов 2001].

Смысл войны, как и любого социального явления, может быть обнаружен, по мнению Франка, только через обращение к сфере духовного, внутреннего опыта. Позволим себе объемную цитату: «Общественное явление имеет свою физическую сторону или связано с физическими процессами уже потому, что человеческое действие немислимо без телесных движений и воздействий на внешнюю среду. В некоторых случаях это особенно заметно: так, война в качестве разрушения, причиняемого местности, в которой она происходит, в качестве массового скопления и передвижения людей, животных, машин и орудий, в качестве массового уничтожения жизней есть несомненно и в физическом, видимом и осязаемом мире событие, потрясающее своей значимостью... Вопрос, однако, заключается в том, состоит ли социальное явление, как таковое, из этих физических процессов, или оно только связано с ними и имеет их своим внешним следствием и спутником. Нетрудно усмотреть, что именно лишь последнее соотношение выражает подлинное существо дела. Дело в том, что смысл общественного явления, то, что образует его подлинное существо, не имеет, как таковое, никакого отношения к физической природе и физическим процессам. Это видно уже из того, что не существует никакой пропорциональности между существом и содержанием общественного явления, как такового, с одной стороны, и его физическими последствиями и спутниками – с другой» [Франк 1992, 65]. Франк, таким образом, отрицает социальный материализм и физико-биологическое истолкование социальной жизни. Социальная жизнь, все ее формы и проявления духовны, а не материальны. Социальная жизнь не существует как феномен, как нечто, данное извне, а потому единственный способ ее познания – это внутренний опыт. Такой подход Франк применяет и при рассмотрении войны как явления социальной жизни.

В упомянутой выше статье «О поисках смысла войны» Франк называет мировую войну неожиданной, навязанной, противной самой воле Российского государства и противоречащей принципам ин-

теллеktуального мирозозерцания русского человека. Тем серьезней кажется ему задача идейного обоснования и оправдания этой войны. Казалось бы, навязанная война должна быть войной оборонительной, имеющей целью своей отстоять рубежи отечества, а потому *a priori* справедливой и не требующей поиска дополнительных смыслов. Ответственность за участие в такой войне как будто бы минимальна — она полностью переносится на неприятеля, вынудившего нас взяться за оружие. Но Франк видит в конфликте, захватившем почти всю Европу, событие мирового масштаба, а не обычную войну, т.е. столкновение государств, армий или, говоря словами К. Клаузевица, политический «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [Клаузевиц 2007, 20]. Это дело не только сугубо политическое или военное, но объективное и общечеловеческое, речь идет не просто о подчинении противника своей воле, а о доказательстве объективной справедливости этой воли. Война не потому носит название мировой, что в нее включилась большая часть народов мира и почти весь земной шар стал полем битвы (хотя и это тоже значимо), но в силу особой важности, которую имеет она для каждого человека на Земле. Именно поэтому столь существенно для Франка найти сокровенный смысл войны, оправдать ее перед лицом всего человечества и разрешить тяжкую нравственную антиномию, которую несет в себе всякая война.

Коль скоро мировая война претендует на обладание абсолютным и объективным характером, смысл ее может быть обнаружен только в области высших человеческих ценностей — в моральной сфере. Применение силы оправдывается указанием на цели, ради которых ведется борьба. Непосредственное правовое и моральное обоснование необходимости войны подтверждается нежеланием Германии искать компромисса в деле политического и экономического соперничества, т.е. члены Антанты вынужденно вступили в борьбу со злой волей пруссов. Однако одной этой исключительно внешней формулировки недостаточно, чтобы подтвердить объективность победы, к которой должны прийти Россия и ее союзницы. Как замечает Франк, «отыскание смысла войны, в чем бы оно ни заключалось, должно быть подчинено общему требованию, чтобы та правда, во имя которой ведется война, была действительно общечеловеческой, равно необходимой не только нам, но и нашему противнику» [Франк 2005б, 410–411]. Недостаточно указать на духовную слабость противника, в том числе на изъяны в его философских позициях — на милитаризм, империализм или кантовский имманентизм, присущие немецкой нации. Франк в принципе видит в немцах не варварство, а продуктивность и действенность, приверженность кантовской моральной философии, подчинение которой, возможно, и привело к торжеству субъективизма в не-

мецком духе, но никак не может свидетельствовать об отступлении Германии от общеевропейских ценностей. В борьбе с таким противником более значимой оказывается готовность защитить ту правду, ту добрую волю, к которой причастны все без исключения народы. А затаянный характер войны прибавляет к этому еще и практическую составляющую: доказать, что победа следует за правдой и справедливостью, а неожиданная мощь германского рейха не означает опровержения тезиса «безнравственность есть вместе с тем бессилие» [Франк 2005а, 417].

Это не просто попытка посредством философии оправдать агрессивные действия своего правительства (с которым у Франка были весьма сложные отношения), это искренняя вера в то, что «организующую силу имеют лишь великие положительные идеи, — идеи, содержащие самостоятельное прозрение и зажигающие веру в свою самодовлеющую и первичную ценность» [Франк 1990б, 264]. Принцип правого дела требует отказа от служения индивидуальным национальным интересам и указывает на необходимость выбора в пользу общечеловеческих объективных ценностей. *Raison d'état* вступает в коллизию с универсализмом и должен быть отвергнут в силу своей явной моральной неприемлемости. Отступление правительства и всего народа от подобных положительных принципов, ослабление «общественного мирозерцания» и духовной нигилизм рискуют обернуться катастрофой, которая в 1914 г. мыслилась как нечто далекое и маловероятное, но стала действительностью уже через три года.

Мировая борьба, осмысленная в первую очередь как столкновение моральных доктрин и различных типов мировоззрений, производит эволюцию в самом способе интерпретации понятия войны, которая из феномена политического превращается в явление онтологическое или гносеологическое, поскольку предполагает своей целью утверждение определенной истины. Каждая сторона конфликта убеждена в том, что на ее стороне оказывается не только сила и право, но и правда как таковая. В такой ситуации, «военные успехи суть лишь половинчатая победа... главный успех есть победа моральная» [Франк 1916б, 16]. Соответственно, цель войны становится невообразимо высокой — речь идет не о территориальных или экономических выгодах, а о торжестве справедливости и триумфе нравственности. Для победы России важно на каждом этапе войны сохранить истинное служение всему благу и честному, что одухотворяет мировую борьбу. Победа должна быть общезначимой, она должна закреплять принцип справедливости, который приняло бы все человечество. Главный парадокс войны состоит в том, что конфликт должен окончиться не только военной победой одной из сторон, но и нравственным перерождением каждого его участника.

Но эта антиномия легко решается, если мы будем рассматривать философию войны Франка в контексте его метафизики всеединства, которая проявляет себя и в политической сфере. Духовный наставник Франка — Владимир Соловьев — говорил: «Все есть одно — это было первое слово философии, и этим словом впервые возвещались человечеству его свобода и братское единение» [Соловьев 1988, 120]. Равным образом Франк во всеобщем единении видит глобальную задачу, стоящую перед человечеством. Для него «такие начала как “душа народа” или “гений человечества” суть не пустые абстракции, не чисто “словесные” единства, а подлинные живые, конкретные единства, на каждом шагу обнаруживающие свою силу и не утрачивающие объективного бытия от того, что в составе единичных душевных реальностей они суть лишь абстрактно выделяемые стороны, слитые с моментами индивидуализирующего, обособляющего значения» [Франк 1917, 215]. Народы объединяются властной политической волей, складываясь в общественное единство. Но параллельно в этой форме единства реализует себя еще одна объединяющая сила — соборность, проявляющаяся в интуитивно постигаемом единстве «мы». Т.Н. Резвых совершенно справедливо отмечает, что метафизика Франка, с основополагающей идеей единства «первого и второго лица, как единство “я” и “ты” (“вы”)» [Франк 1992, 51], оказывается близкой не столько неоплатонизму Николая Кузанского, сколько Лейбницу и может быть интерпретирована как монадологическая онтология [Резвых 2002, 25–45], предполагающая гармонию всеединства и множественности и уникальности субъектов.

Концепция всеединства находит себя и в этическом учении Франка. Нравственное тождественно разумному, доброму, гуманному. Мораль открывается в вере — в Бога, добро и человека, в святость человеческой личности. Основа морали — это любовь; в своей поздней работе «Свет во тьме» Франк напишет: «Сила любви... выражается в *нравственной активности*, в любовной деятельности на благо ближнего, в излиянии добра в мир. Нравственная активность в мире, этот общий императив заповеди любви, совпадает, таким образом, с задачей *совершенствования мира*» [Франк 1998, 436]. Понятая таким образом нравственность оказывается тем светом, который льется во тьме, и задача христианина вне зависимости от национальности или социального статуса сохранить и поддержать этот свет.

Мир многообразен и сложен, общее начало мира — это стремление к порядку, который может быть организован различными способами. При этом определяющим становится не форма реализации этого порядка, а конечная цель, и поэтому различные способы политического и социального устройства не противоречат друг другу. Франк открыто ссылается на Вл. Соловьева, указывая на то, что государство не должно создавать рай на земле, но должно лишь не допустить превраще-

ния земли в ад; то, как эта цель будет достигнута, т.е. какая именно политическая система будет установлена — не столь важно. Эта мысль становится основанием для критики национализма и политического эгоизма: «Всякое признание одного государственного порядка, одной формы правления единственным и абсолютным добром, есть идолопоклонство, извращающее истинные божественные основы общественной жизни и необходимо — в силу ненарушимости божественных заветов — рано или поздно караемое общественными бедствиями» [Франк 1925, 30]. К чему привело такое идолопоклонство и насколько стойкую и надежную веру оно давало, показала русская революция, которая, как справедливо отметил В.К. Кантор, представляла собой «самозаклание недавно народившихся в России людей мысли во имя народа, который их не знал и знать не хотел» [Кантор 2012, 321].

Другая важная характеристика общественной сферы, с точки зрения Франка — идея солидарности. С одной стороны, общественным отношениям присущ эгоизм и индивидуализм, с другой — мысль о солидарности и соучастии в общем деле. Иначе не могла бы быть реализована общественная жизнь, социальные отношения распались бы. Франк честен во взгляде на политику, он не питает иллюзий относительно характера межгосударственных отношений. Для политической сферы нормальна ситуация, когда национальный интерес ставится во главу угла, а в удовлетворении собственных потребностей видят первоочередную задачу. В таком случае война становится лишь эпизодом крайней напряженности межгосударственных отношений.

Можно ли назвать благом служение своему государству? Да, это благо и честь, но лишь отчасти, во всяком случае, это не путь к высшему благу. Недопустимо приравнивать собственный интерес и выгоду к абсолютному благу. Абсолютный — значит объективный, общечеловеческий, универсальный, а не немецкий, русский или британский. Но, по мнению Франка, многие мыслители склонны проводить такую подмену понятий. Они торопятся заявить о величии и богоизбранности России, которая «все народы обняв любовью своей, научит их единомысленному исповеданию веры» [Дурылин 1916, 46], они рассуждают о народе-богоносце и русском воинстве, которое «священной кровью своей... духовно возрождает Россию» [Булгаков 2005, 315]. В.Ф. Эрн, отвечая на вопрос, обращенный Вл. Соловьевым к Руси, «Каким же хочешь быть Востоком? Востоком Ксеркса или Христа?» [Соловьев 1970, 28], призывает видеть в России подлинно христианскую державу, но оставляет без внимания беспечность, апатию и ханжество, укоренившиеся в русском человеке. Эрн называет императора Вильгельма новым Ксерксом, рождение которого объясняется пароксизмами европейского духа. Борьбу с этой западной хворью должна повести Россия, призванная остановить агрессивную волю германского рейха.

Но к чему приведет такое самозабвенное утверждение себя в качестве поборника правды и чести, элиминирующее всякую самокритику? Не взошли ли ростки востока Ксеркса на благодатной почве России? Самомнение и гордыня приводят к невнимательности по отношению к собственным порокам. Опасность подобного пренебрежения очевидна: «То, что мы ведем борьбу с новым язычеством, еще само по себе не делает нас ратью Христовой» [Франк 2005а, 439]. Внутренняя борьба между востоком Христа и востоком Ксеркса еще не окончена.

В деле борьбы за Христа и его ценности необходима серьезная нравственная работа каждого отдельного члена общества, а не самодовольные нападки на врага, которого якобы можно обвинить в причастности к злой воле лишь в силу его агрессивности в данный период. Как замечает в этой связи Филипп Буббайер, американский исследователь творчества Франка, «верить, что душа другого народа по сути своей зла, значит просто потворствовать своим субъективным интересам» [Буббайер 2001, 119]. Опять мы наталкиваемся на идею всеединства и солидарности. В абсолютном значении народ не может быть несправедливым, злым или неправым. Речь может идти только о временном и частичном отступлении от доброй воли и справедливости. Правая сторона, вступая в конфликт, должна нести не уничтожение государства противника и истребление его народа, а свет, который откроет неприятелю путь к духовному возрождению и поможет отыскать позабытые нравственные идеалы: «Веруя в будущее общеевропейской культуры, нельзя не верить в сохранность живых и глубоких сил германского духа, так много давшего миру и лишь теперь переживающего нравственную болезнь, самое характерное проявление которой воочию дано нам в лице военной литературы немецких ученых и писателей» [Франк 1916а, 27].

Если Россия берет на себя особую миссию в мировой войне, то цель ее должна быть значимой в общечеловеческом масштабе. Отступление от дела борьбы за всеобщее благо знаменовало бы предательство нравственных ориентиров, служение которым и обусловило вступление России в войну; и, по мнению Франка, история подтвердила истинность этого печального вывода: русское общество раскололось и вступило на путь Гражданской войны.

Однако можно ли вообще судить о войне как о деле, посредством которого достижимым становится моральное очищение народов и утверждение права и справедливости? Не правы ли толстовцы в своем отрицании всякой войны и насилия вследствие их несоответствия учению Христа? Сам Франк замечает в работе «Смысл жизни»: «Война есть зло и грех; и монах, и отшельник правы, воздерживаясь от участия в ней» [Франк 1976, 153]. Как же это соотносится с теми рассуждениями Франка о войне, о которых было сказано ранее? Монахи

и отшельники есть в высшей степени особенный тип людей; Франк в августиновском смысле называет их людьми, которые не нуждаются в государстве. Им одним только дана способность отречься от мира абсолютным образом, посвятив себя Богу, и возможные приобретения и блага, которые дает государству и народу война, им не требуются. В этом их безусловное освобождение от мира и от всего, что составляет публичную сферу. Те же, кто нуждается в защите со стороны государства, должны принимать участие и во всех делах государства. Франк, таким образом, отвергает учение Толстого об отречении от государства и ненасилии. Человек, вставший на такую позицию, но при этом продолжающий пользоваться всеми благами, которые дает государство — в первую очередь защитой — грешит больше, нежели те, кто собственное погружение в мирские дела подчиняет цели преодоления греховности посредством упорного труда и участия. Возможность автономного существования как средство спасения от греха и зла — иллюзия людей, не видящих, что зло скрыто не только во внешнем мире, но и внутри каждого человека; см. подробнее: [Быстров 2009, 178—185]. Собственно, в своей критике учения Толстого о ненасилии Франк как раз и указывает на необходимость применения максимы «не противься злу злом» на персональном уровне, из чего должно следовать заключение о невозможности «бороться со злыми страстями возбуждением злых же страстей вражды и ненависти» [Франк 1996, 435]. Такая формула сохраняет свой статус нравственного идеала только в отношении частного, приватного, внутреннего. Воспринятая же как критерий политической жизни, идея непротивления теряет свое содержание и силу, превращаясь в то, что Франк назвал «моральным радикализмом Толстого» [Там же].

Постепенный отказ от войн стал бы значительным достижением. Однако и отдельный человек, и целый народ, избравшие принципом своего существования «совершенствование мирских сил в себе и вокруг себя» [Франк 1976, 151—152], могут поставить войну, это ужасное и разрушительное средство, в услужение благу, использовать ее ради созидания. Война для Франка — скорее суровая необходимость, греховная, как и все мирское, но в некоторых случаях неизбежная.

Размышляя о Великой войне, спустя годы после ее окончания, Франк как будто бы задавался вопросом, почему Россия не выстояла и не одержала победу? Собственно, к теме внутреннего перелома в русском обществе, Франк обращался еще и во время войны, рассуждая в своих статьях о том, почему выступая с позиции права и справедливости, Россия не способна быстро сломить злую волю германской нации. Военные неудачи и социальное напряжение привели к моральному разложению народа, который за три года потерял свою целостность. Россия не смогла закалиться в горниле войны. Стальной блеск народного единения, сверкавший на июльском солнце 1914 года, быстро потускнел, слой позолоты облетел, обнажив пустую породу.

Императора, Высочайший манифест которого о вступлении России в войну с Германией, слушали со слезами на глазах, свергли, и назвали это «величайшей победой» [Трубецкой 2005, 394]. Россия, по мнению Франка, сбилась с пути, выбрав простейшие, но самые низменные и жестокие способы ведения борьбы, чем и подорвала веру в святость поставленных перед ней задач. Итог этой печальной драмы хорошо известен: «Проповедь неперменного и немедленного братания с неприятелем, отказа от военных действий, эта священная война, объявленная войне в 1917 году... привела не к всеобщему умиротворению, а к еще большему, неслыханному раздору и развалу жизни, когда во имя этой проповеди брат пошел на брата» [Франк 1990а, 129].

Война должна быть нацелена на борьбу с ложными кумирами – со всем злом мира. Но она обернулась поражением всех надежд; оказалось, что идеалы, в которые так долго и беззаветно верили, были иллюзорны и неустойчивы. Война знаменовала собой гибель всех привычных форм существования – политики, науки, культуры, которые и оказались теми кумирами, которые рухнули в ходе этой войны. То был не восход некой злой воли, просто привычные социокультурные формы потеряли свою силу и ценность. Мировая война, которая должна была изменить мир и обновить его, обернулась всеобщим поражением, несчастьем и истощением. Нравственный идеализм стал после нее невозможным. Западная культура и основные ее постулаты пошатнулись. В каком-то смысле Франк присоединяется к критикам просвещенческого проекта и прогрессизма, утверждая в работе «Духовные основы общества», что более «не существует ни безусловной непрерывности умственного развития, ни исключительной зависимости от него всей остальной человеческой жизни» [Франк 1992, 29]. Подтверждено это было варварством мировой войны, в которой в положении проигравшей оказалась каждая из сторон.

Причины поражения Франк видит в том, что ни один из участников конфликта не смог выполнить всеобщую нравственную миссию, за четыре года борьбы зачерствав духовно и морально. Ставки были слишком высоки, а потому и столь сильным оказалось всеобщее поражение и его последствия. Отсюда развился пессимизм и скептицизм, который поразил значительную часть Европы, и о котором, отметим, едва ли не первым начал говорить еще в 1914 г. Григорий Адольфович Ландау [Ландау 1914, 28–54].

Но если развивать логику Франка до конца, то стоит задаться вопросом, было ли общество готово к тяжелой духовной работе, связанной с моральным осмыслением войны? Кажется, что нет. В какой-то степени и сам Франк был зачарован и ослеплен духовным подъемом лета 1914 г. Ни армия, ни гражданское население, ни власть не намерены были заниматься тяжким трудом на протяжении нескольких лет, они загорелись лишь на время, но не были готовы к долговременным

усилиям, к принятию высшей степени ответственности. Глубокое внутреннее переживание войны привело к ее отвержению.

Но в ситуации кризиса общественной веры Франк не усматривает признаков краха всей западной цивилизации или «заката Европы». Человек не может, по его убеждению, существовать без определенным образом устроенного порядка. Идейный релятивизм ослабляет и нравственно истощает человека. Задача человека состоит не в постижении универсальных божественных начал всего сущего, что, по мнению Франка, невозможно, а в уяснении общих принципов человеческого существования, следующих из этих оснований. И первоочередной принцип социального устройства состоит в том, чтобы общество, проходя через кровавую бойню, подобную Великой войне, спланивалось и солидаризировалось, равно как и народы после войны должны найти в себе силы преодолеть разобщение, очиститься и нравственно переродиться.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бердяев 1918 – *Бердяев Н.А.* Национализм и мессианизм // *Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1918.

Буббайер 2001 – *Буббайер Ф.* С.Л. Франк: жизнь и творчество русского философа. 1877–1950. – М.: РОССПЭН, 2001.

Булгаков 2005 – *Булгаков С.Н.* Русские думы // Русские философы о войне / сост. И.С. Даниленко. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005.

Быстров 2009 – *Быстров А.А.* Обязанность противодействия злу в философском богопознании С.Л. Франка // Идейное наследие С.Л. Франка в контексте современной культуры / под ред. В.Н. Поруса (Серия «Религиозные мыслители»). – М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2009.

Дурылин 1916 – *Дурылин С.Н.* Лик России. Великая война и русское призвание. – М: Творческая мысль, 1916.

Кантор 2012 – *Кантор В.К.* Русская революция, или Вера в кумиры (Размышление над книгой С.Л. Франка «Крушение кумиров») // Семен Людвигович Франк / под ред. В.Н. Поруса. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2012.

Клаузевиц 2007 – *Клаузевиц К.* О войне. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007.

Куманьков 2014 – *Куманьков А.Д.* Мировая задача России: члены Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева о Великой войне // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 10. С. 81–86.

Ландау 1914 – *Ландау Г.А.* Сумерки Европы // Северные записки. 1914. № 12. С. 28–54.

Резвых 2002 – *Резвых Т.Н.* Монадология С.Л. Франка и Лейбниц // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 годы / под ред. М.А. Колерова. – М.: Три квадрата, 2002. С. 25–42.

Скворцов 2001 – *Скворцов А.А.* Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в. // Этическая мысль. 2001. № 2. С. 216–229.

Соловьев 1970 – *Соловьев В.С. Ex oriente lux // Соловьев В.С. Собр. соч. Т. XII. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1970.*

Соловьев 1988 – *Соловьев В.С. Лекция «Исторические дела философии», произнесенная им 20 ноября 1880 г., в Санкт-Петербургском университете // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 118–125.*

Струве 1914 – *Струве П.Б. Чему война учит и к чему она обязывает // Отечество. 1914. № 4. С. 65–66.*

Сутягина 2013 – *Сутягина Л.Э. Антропология войны и мира: по взглядам русских религиозных философов рубежа XIX и XX столетий. – СПб.: МАЭ РАН, 2013.*

Трубецкой 2005 – *Трубецкой Е.Н. Гроза с запада // Русские философы о войне. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005.*

Франк 1992 – *Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992.*

Франк 1917 – *Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. – М.: Г.А. Леман и С.М. Сахаров, 1917.*

Франк 1990а – *Франк С.Л. Крушение кумиров // Франк С.Л. Соч. – М.: Правда, 1990.*

Франк 1916а – *Франк С.Л. Мобилизация мысли в Германии // Русская мысль. 1916. № 9. С. 20–27.*

Франк 1996 – *Франк С.Л. Нравственное учение Л.Н. Толстого // Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996.*

Франк 2005а – *Франк С.Л. О духовной сущности Германии // Русские философы о войне. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005.*

Франк 2005б – *Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русские философы о войне. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005.*

Франк 1925 – *Франк С.Л. Религиозные основы общественности // Путь. 1925. № 1. С. 9–30.*

Франк 1998 – *Франк С.Л. Свет во тьме. – М.: Факториал, 1998.*

Франк 1916б – *Франк С.Л. Сила и право // Русская мысль. 1916. № 1. С. 12–17.*

Франк 1976 – *Франк С.Л. Смысл жизни. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1976.*

Франк 1990б – *Франк С.Л. De Profundis // Из глубины: Сборник статей о русской революции / С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.А. Булгаков и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.*

Эрн 1910 – *Эрн В.Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности. По поводу нового философского журнала «Логос» // Московский еженедельник. 1910. № 29. С. 31–40; № 30. С. 29–40; № 31. С. 33–44; № 32. С. 33–42.*

Эрн 1991 – *Эрн В.Ф. Соч. – М.: Правда, Вопросы философии, 1991.*

S.L. FRANK IN SEARCH OF THE SPIRITUAL SENSE OF THE GREAT WAR

A.D. KUMANKOV

Summary

The article describes the way to possible reconstruction of the First World War image by Russian religious philosopher S.L. Frank. The author proposes to apply not only for Frank's war period articles but also for his works of 20-40-ies

of 20th century in order to get entire idea of the Great War that Frank had. Special emphasis was laid to Frank's polemics with neo-Slavophiles (V.F. Ern, S.N. Bulgakov) and related to discussion on the way of justifying the war. Frank stated to justify the war only in the sphere of morality as he believed that such large-scaled armed conflict might be acquitted only as a battle for high religious and moral principles. War is undesirable but necessary and nation ought to fight for its country. This point of view was based not merely on a specific perspective of war interpretation but also on typical for Frank metaphysics of universalism that was used for political sphere description. Every person should work hard in order to protect human morality and the laws of Christ. And Russia's defeat was explained within the framework of this logic as Russia in Frank's opinion was unable to remain committed to the truth and justice.

Keywords: Frank Semyon, war, First World War, universalism, morality, violence.

Kumankov, Arseniy – Ph.D. in Philosophy, Lecturer at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University *Higher School of Economics*.

akumankov@hse.ru <https://www.hse.ru/org/persons/198056>

Citation: KUMANKOV A.D. (2017) S.L. Frank in Search of the Spiritual Sense of the Great War. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 3, pp. 38-52.

REFERENCES

Boobbyer P. (2001) *S.L. Frank, The life and work of a Russian philosopher 1877-1950*. Moscow, Russian Political Encyclopedia (Russian translation).

Frank S. (1992) *The Spiritual Foundations of Society*. Moscow, Respublica (in Russian).

Frank S. (1917) *Man's Soul. An Essay of Introduction into Philosophical Psychology*. Moscow, G.A. Leman and S.I. Sakharov (in Russian).

Frank S. (1990) 'The Downfall of idols'. In: *Works*. Moscow, Pravda (in Russian).

Frank S. (1916) 'Mobilisation of thoughts in Germany'. In: *Russkaja mysl* [Russian idea]. Vol. 9, pp. 20-27 (in Russian).

Frank S. (1996) 'The Moral Teachings of L. Tolstoy'. In: *Russian World-View*. Saint Petersburg, Nauka (in Russian).

Frank S. (2005) 'On Spiritual Essence of Germany'. In: *Russian Philosophers on War*. Moscow, Zhukovsky, Kuchkovo Pole (in Russian).

Frank S. (2005) 'In Search for the Sense of War'. In: *Russian Philosophers on War*. Moscow; Zhukovsky, Kuchkovo Pole (in Russian).

Frank S. (1925) 'Religious Basis of the Public Sphere'. In: *Put'* [Way]. Vol. 1, pp. 9-30 (in Russian).

Frank S. (1998) *The Light in the Darkness*. Moscow, Faktorial (in Russian).

Frank S. (1916) Force and Truth. In: *Russkaja mysl* [Russian mind]. 1916. Vol. 1, pp. 12-17.

Frank S. *The Meaning of Life*. Brussels, Life with God, 1976 (in Russian).

Frank S. (1990) De Profundis. In: Askoldov S., Berdyayev N., Bulgakov S. (eds.) *From the depth: a collection of articles on Russian revolution*. Moscow, Moscow University Press, (in Russian).